

Научная статья

УДК 111+1(4+7)[19/20]

Для цитирования:

Ромашенко М.А. Реминисценция как онтологический ландшафт: историко-философская генеалогия концепта // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 2 (33). С. 105–121.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_105

Ромашенко Мария Александровна,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «История и философия»

Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А.,

Российская Федерация, 410054, г. Саратов,
ул. Политехническая, 77
mariroma14@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4860-4017

Реминисценция как онтологический ландшафт: историко-философская генеалогия концепта

М.А. РОМАШЕНКО

Аннотация: Статья посвящена историко-философскому анализу эволюции концепта реминисценции от античности до современности. Автор прослеживает трансформацию понимания реминисценции: от платоновского анамнесиса как эпистемологического акта встречи с вечными истинами к ее радикальному онтологическому переосмыслению в философии XX века. Особое внимание уделяется герметической традиции (Дж. Бруно), где реминисценция впервые сближается с творческим воображением и магическим познанием универсальных связей. На материале учений П. Рикёра, В. Бенямина, Э. Левинаса и Ж. Деррида демонстрируется переход к пониманию реминисценции как события, конституирующего темпоральность, этическое отношение и саму ткань человеческого существования. В работе показано, как через феноменологию перформативного воспоминания, философию истории с ее «слабыми мессианскими силами», метафизику следа Другого и деконструкцию присутствия формируется новое понимание памяти. На основе проведенного анализа предлагается методологическая модель «онтологического ландшафта», включающая три измерения: «очертания» (границы смысла и зоны забвения), «текстура» (чувственная, материальная данность переживания) и «след» (отпечаток Иного в настоящем). Эта модель может служить инструментом для нелинейного анализа философской традиции, преодолевающего ограничения «архивной» парадигмы и линейной истории идей,

позволяя учитывать роль интеллектуальных реминисценций, разрывов и непроговоренного в развитии мысли.

Ключевые слова: реминисценция, память, онтологический ландшафт, анамнесис (припоминание), история философии, темпоральность, методология истории философии, традиция.

В рамках историко-философского исследования концепт памяти и, в частности, феномен реминисценции раскрывается как один из наиболее значимых сюжетов, позволяющих проследить трансформацию фундаментальных представлений о природе человеческого познания, структуре времени и основаниях бытия. От античного анамнесиса до современных феноменологических и деконструктивистских трактовок понятие реминисценции претерпевало сложную эволюцию, отражая смену эпистемологических и онтологических парадигм. Историко-философский анализ реминисценции в качестве акта познания и в качестве методологии обнаруживает необходимость не систематизировать различные учения о памяти, а выявить внутреннюю логику развития концепта реминисценции — от зарождения в рамках платоновской теории припоминания до его превращения в одну из ключевых категорий философии XX века, описывающую память как конститутивный ландшафт человеческого существования.

Более того, предлагаемая концепция реминисценции как онтологического ландшафта обладает значительным методологическим потенциалом для самой практики историко-философского исследования. Традиционная история философии часто основывается на модели прямой рецепции, преемственности и линейного развития идей, что напоминает «архивную» парадигму памяти. Однако реальный процесс философского творчества зачастую устроен гораздо сложнее: он включает в себя произвольные вспышки забытых смыслов, резонансы между разновременными концептами, влияние вытесненных или маргинализированных традиций. Поэтому понимание философской традиции как динамического, многослойного ландшафта, формируемого событиями интеллектуальной реминисценции, где лакуны и умолчания столь же значимы, что и явно артикулированные доктрины, может предложить более адекватный инструментарий для анализа сложных, нелинейных путей развития мысли.

В таком контексте цель историко-философского исследования реминисценции состоит не только в проведении детальной историко-

философской реконструкции эволюции концепта реминисценции, но и в демонстрации его эвристической ценности как методологической модели для историко-философского познания. Такой подход позволяет проследить, как в трудах Платона, в герметической традиции (Дж. Бруно), в феноменологии П. Рикёра, философии истории В. Бенямина, а также в метафизике Э. Левинаса и деконструкции Ж. Деррида происходит последовательный переход от понимания реминисценции в качестве гносеологического акта к ее утверждению как онтологического события, структурирующего саму ткань темпоральности. Это также определяет возможность осмыслить ее методологическую продуктивность.

Методология подобного исследования основана на принципах историко-философского анализа, включающего сравнительное изучение текстов, выявление преемственности и радикальных разрывов, а также герменевтическую интерпретацию ключевых понятий. При этом следует отметить, что применение предполагаемой модели «ландшафта» к истории философии позволяет рассматривать ее не как хронологическую цепь влияний и рецепций, а как поле смысловых очертаний, текстурных напластований и концептуальных следов, вступающих в непредсказуемые диалоги. Такая установка способствует формированию системного представления о трансформации концепта реминисценции через призму метафоры «картографирования», что позволяет упорядочить историю его развития и эксплицировать формирование новой, ландшафтной онтологии памяти. Кроме того, рассмотрение модели ландшафта в качестве методологического ориентира для нелинейной истории философии, уделяющей особое внимание событиям интеллектуальной реминисценции, разрывам и роли непроговоренного, позволяет переосмыслить саму природу философской традиции не как непрерывную линию прогресса или кумулятивного накопления истин, но как прерывистое, многослойное образование, где прошлое присутствует не в виде инертного наследия, а в качестве активного, требующего ответа ресурса.

Такая история философии фокусируется не только на явных доктринах и доказанных влияниях, но на тех моментах, когда забытая, маргинальная или подавленная идея внезапно возвращается, но не как прямое цитирование, а как интеллектуальная реминисценция, чтобы

озарить новым светом современную проблему, создавая непредсказуемые мосты между эпохами. Все это указывает на то, что, несмотря на все исторические модификации, реминисценция сохраняет свою сущностную связь с проблемой иного времени и инаковости, обретая в философии XX века статус фундаментального условия человеческого присутствия в мире, а предложенные для ее описания категории являются не только закономерным итогом концептуальной работы, но и продуктивным инструментом для рефлексии о природе самой философской традиции.

Историко-философское осмысление памяти неизбежно начинается с критики ее наивных, репрезентативных моделей, долгое время доминировавших как в обыденном сознании, так и в академической традиции. Метафоры хранилища, предполагающие статичное сохранение прошлого в виде готовых образов и фактов, восходят к определенным эпистемологическим установкам, характерным для классической философии, и отражают определенное, ограниченное понимание времени как линейной последовательности. Это образ места, где прошлое аккуратно разложено по полкам в виде готовых образов и фактов, ожидающих своего извлечения. Однако при ближайшем рассмотрении эта удобная и интуитивно понятная модель обнаруживает свою принципиальную несостоятельность перед лицом реального опыта. Она бессильна перед тайной внезапного и яркого всплеска давно забытого ощущения, вызванного, казалось бы, ничтожным чувственным стимулом, перед навязчивой, тиранической властью травмы, отказывающейся быть погребенной под слоями повседневности, и, наконец, перед творческим, почти художественным характером того, как мы выстраиваем и постоянно переписываем повествование о собственной жизни.

Фукианская критика подобной репрезентативной модели порождает методологическую установку, где архив — это не склад прошлого, а система правил настоящего, это то, что в данную эпоху делает возможным появление конкретных высказываний, классификаций, концептов. Архив управляет самой возможностью памяти и забвения на уровне дискурса, определяя, что может стать «документом», а что останется немим. М. Фуко пишет: «<...> архив — это еще и то, благодаря чему все это сказанное не нагромождается друг на друга

в виде аморфного множества, не вписывается в линейность, не имеющую разрывов, и не исчезает по воле внешних обстоятельств, а, наоборот, соединяется в отчетливые фигуры, сочетается между собой в соответствии с многочисленными связями, сохраняется или тускнеет в соответствии со специфическими закономерностями; архив — это то, благодаря чему сказанное не отступает в прошлое вместе со временем, напротив, архив позволяет ему ярко сверкать, подобно близким звездам, свет которых на самом деле приходит к нам издалека, тогда как нечто другое, сказанное совсем недавно, уже почти совершенно поблекло»¹.

Репрезентационная модель, основанная на идее нейтрального хранения объективных данных, полностью игнорирует конституирующую, созидательную роль самого акта воспоминания в формировании того, что мы впоследствии называем «содержанием» памяти. Это подчеркивает и В. Подорога, описывая две модели: «...два времени и две истории: одна история вечно пребывает, словно стоит на месте и в то же время прибывает, захватывая будущее подобно приливной волне, делая будущее равным прошлому, а прошлое будущему, она не знает настоящего; вторая история — убывает и в процессе убывания расщепляется на множество мельчайших, теневых, локальных, все более кратких историй мысли, она движется и "существует" лишь внутри события воспоминания, в то время как первая история захватывает события, упорядочивая их в линейном времени»². Первая история — это история как монолитный нарратив, как «архив» в его классическом, тотализирующем понимании, стремящийся подчинить событийность прошлого линейной логике причинности и прогресса, растворить уникальность момента в гомогенном потоке. Вторая история — это время реминисценции и картографирования: время, которое «убывает» в смысле отказа от кумулятивной логики, расщепляется на конкретные, локальные события воспоминания и обретает бытие лишь в момент своего непредсказуемого, вспышечного явления. Именно эта «вторая история», существующая «лишь внутри события воспоминания», и соответствует онтологическому ландшафту памяти,

¹ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 248–249.

² Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М., 2021. С. 149–150.

где прошлое не хранится, а постоянно переконфигурируется через акты герменевтической актуализации.

Каждое обращение к прошлому представляет собой его герменевтическую актуализацию, сложный диалог между сегодняшним «Я» и призраками вчерашних переживаний, в ходе которой не объективный, протокольный факт, но именно личный, прожитый опыт обретает статус «бытия-для-меня», тем самым непрерывно трансформируя саму ткань и структуру индивидуальной темпоральности.

Реминисценция, в отличие от произвольного, целенаправленного припоминания, есть всегда событие. Это произвольный жест самого прошлого, его внезапное и властное вторжение в ткань настоящего, которое не просто информирует, но озаряет, придавая новый, неожиданный смысл текущему моменту. Эта ее природа была осмыслена еще в Античности, где она предстала как ἀνάμνησις (припоминание). Впервые понятие ἀνάμνησις с греческого языка на латинский перевел как «реминисценция» Тертуллиан. В его работе «О душе» при описании теории познания Платона появляется следующая фраза: «Id est distentias reminiscencias esse», что в переводе звучит как «...учение есть воспоминание»³, в дальнейшем укрепилось мнение о родственности и тождественности понятий анамнезис и реминисценция.

Платон в диалоге «Менон» говорит о припоминании как о фундаментальном свойстве души, связывающем ее с вечными истинами: «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, — люди называют это познанием, — самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать — это как раз и значит припоминать»⁴. Таким образом, уже здесь реминисценция предстает не как психологический механизм, а как онтологически укорененный акт встречи с истиной, прорыв временного к вечному.

³ Тертуллиан К.С.Ф. О душе. СПб., 2004. С. 196.

⁴ Платон. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1990. С. 589.

Эта платоновская установка, хотя и маргинализированная в эпоху господства эмпиризма и сенсуализма, оказала определяющее влияние на последующую мысль, задав высокий онтологический статус акту припоминания. Примечательно, что сам Платон описывает этот процесс не как планомерное изучение, а как внезапное озарение, событие, что уже содержит в себе зародыш понимания реминисценции как произвольного, событийного акта, нарушающего линейность познания.

Вновь подобное понимание реминисценции обнаруживается в ренессансной герметической традиции, которая представляет собой важный этап в истории трансформации этого концепта. Герметические учения снова открывают онтологическое измерение памяти, связывая ее не только с индивидуальной психикой, но и с магическим познанием универсальных связей в мироздании. Так, описывая учение Джордано Бруно о памяти, У. Эко отмечает: «...в этих мнемотехниках речь идет не о том, чтобы запоминать, но о том, чтобы постигать, воображать, открывать сущность вещей и связи между ними»⁵. Ф. Йейтс же подчеркивает тот магический характер, которым Дж. Бруно наделяет память, объясняя ее через акт познания. Она пишет «...магическая система памяти Дж. Бруно является памятью <...> того, кто и постиг реальность за разнообразием явлений, уподобив свое воображение архитипическим образам, и с помощью этого постижения получил силу»⁶. Сам Дж. Бруно неоднократно в разных контекстах высказывает идею о том, что память и воспоминание — это акт не только познания, но и преобразования мира. Так, в работе «О тенях идей» (перевод на русский язык Л.И. Титлина) Бруно формулирует следующий принцип: «Материя всеми формами оформляется из всего, и пассивный (как его называют) интеллект всеми формами может формироваться из всего, и память всеми памятными из всех, т. к. все подобное из подобного возникает, все подобное в подобном содержится»⁷.

В этом контексте реминисценция сближается с творческим воображением и интеллектуальной интуицией, предвосхищая ее позднейшие

⁵ Эко У. Понски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2009. С. 141.

⁶ Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 181.

⁷ Бруно Дж. О тенях идей // Электронный философский журнал Vox [Электронный ресурс]. URL: https://intelros.ru/pdf/vox/2016_21/Vox21-BrunoG.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

трактовки как события смыслопорождения. Этот этап, хотя и не являющийся центральным для магистральной линии рационалистической философии, демонстрирует попытку восстановить активный, созидательный характер памяти, выходящий за рамки пассивного хранения данных, и подготавливает почву для последующего феноменологического поворота. Интересно, что герметическая традиция, будучи долгое время на периферии официальной философии, сама может рассматриваться как пример «забвения» в истории мысли, откуда, в том числе и через реминисценцию, в XX веке были извлечены важные интуиции о символическом характере реальности и роли воображения, что подтверждает методологическую ценность нелинейной модели истории философии.

Кардинальный поворот в философском осмыслении памяти, позволивший преодолеть узость «архивной» парадигмы и вернуться к онтологической глубине платоновской интуиции на новом уровне, совершила феноменология XX века. Поль Рикёр в своем фундаментальном труде «Память, история, забвение» предпринимает последовательную феноменологическую редукцию, раскрывая память как интенциональный акт, сущность которого состоит в «намерении о прошлом». Память, согласно П. Рикёру, есть не копия, но усилие реконструкции, всегда опосредованное знаком и нарративом. Ее задача состоит в том, чтобы сделать присутствующим под знаком «бывшим» то, что более не существует⁸. Этот анализ знаменует переход от субстанциальных моделей к процессуальным: память оказывается активным, творческим процессом, в котором прошлое конституируется заново в акте воспоминания.

Особое значение в рамках этого подхода приобретает введенное П. Рикёром различие между «забвением-уничтожением» и «забвением-резервом»⁹. Если первое есть необратимая утрата, то второе представляет собой позитивную работу памяти, ее необходимый фильтр и хранилище, из которого воспоминания могут быть извлечены. «Забвение-резерв» можно интерпретировать как инаковость самой памяти, которое, будучи вытесненным из поля актуального присутствия, продолжает детерминировать это присутствие из-

⁸ См.: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 92.

⁹ См.: Там же. С. 402.

нутри, подобно тому, как бессознательное структурирует сознание. Это не пассивный склад, но динамический горизонт потенциального, из которого реминисценция черпает свой герменевтический потенциал. Именно это диалектическое напряжение между памятью и забвением, между явленным и сокрытым и формирует ландшафт нашей идентичности.

Таким образом, П. Рикёр закладывает основы диалектической модели, где память и забвение совместно формируют поле личного опыта, а реминисценция выступает как динамический процесс переписывания смысловых границ этого поля. Этот подход напрямую соотносится с задачей историка философии, который имеет дело не только с каноническими, «явленными» текстами, но и с целыми пластами забытых, подавленных или не артикулированных идей, которые, однако, структурируют мыслительное поле эпохи изнутри, как «забвение-резерв».

Параллельно в философии Вальтера Беньямина формируется иная, но комплементарная линия мысли, расширяющая понимание реминисценции до коллективного и исторического измерения, критикуя прогрессистский, линейный историзм. Это удачно подчеркивают в послесловии к его работе «Учение о подобии» составители: «Память — это не хранилище нейтральных сведений, а беспокойный подвижный медиум, связывающий нас с коллективным бессознательным прошедших эпох»¹⁰. Этот «медиум» функционирует не по принципу линейной причинности, а через установление смысловых связей, где разновременные пласты опыта вступают в синхронистические отношения, образуя «слабые мессианские силы», по выражению В. Беньямина, которые активно вмешиваются в ткань настоящего, оспаривая монологизм официального исторического нарратива.

В таком образе реминисценция наделяется характером взрывного, революционного вторжения прошлого, способного оспорить официальные исторические нарративы и реанимировать утраченные возможности истории. В «Берлинской хронике» В. Беньямин развивает образ памяти как тактильной, археологической среды, подчеркивая ее материальную, почти физическую данность: «Воспоминание — это

¹⁰ Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012. С. 277.

не инструмент для исследования прошлого, а его среда. Оно — почва, по которой ступали когда-то, и та, что оседает, наслаиваясь. И тому, кто хочет прикоснуться к собственному прошлому, надлежит вести себя как человек, ведущий раскопки»¹¹. Этот подход смещает акцент с когнитивной функции на онтологическое укоренение, предвосхищая понимание памяти не как отражения, а как ландшафта, среды обитания сознания. Для истории философии беньяминовская модель предлагает понимание философской традиции не как гладкого прогресса, а как поля борьбы нарративов, где взрывные «вспышки» прошлых, нереализованных или побежденных идей (мистических, маргинальных) постоянно оспаривают монополию доминирующих доктрин, требуя «археологического» подхода, чувствительного к слоистости и материальности текстуры мысли.

Дальнейшая радикализация онтологического статуса реминисценции, через феномен следа, происходит в метафизике Э. Левинаса, где память оказывается вписана в этическое отношение к Другому. В его философии след трактуется как отпечаток абсолютно Другого, трансцендентного любым формам представления и объективации. Э. Левинас проводит четкое феноменологическое различие между знаком и следом: «След — не просто знак вроде других знаков, хотя играет эту роль. Его можно принять за знак <...> Но даже если принять, таким образом, след за знак, у него, сравнительно с прочими знаками, останется нечто, присущее только ему: он нечто означает помимо всякого намерения оставить знак; он не есть цель никакого замысла»¹². Раскрывая метафизическую природу следа, Э. Левинас связывает его с временностью как пристанищем Другого: «След — это пространственная вставка во времени, точка, где мир склоняется прошлому некоему времени. Это время — пристанище Другого, потому оно никоим образом не есть обветшание цельной в воспоминании длительности. Превосходство утверждено не присутствием в мире, неотменимой трансцендентностью. Это не модуляция бытия сущего»¹³.

В этом свете реминисценция как встреча со следом становится не просто воспоминанием факта, но событием этического размыкания

¹¹ Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М., 2005. С. 93.

¹² Левинас Э. Время и другой. СПб., 1998. С. 185–186.

¹³ Там же. С. 188.

субъекта, его выхода за пределы самотождественности к ответственности перед лицом Иного. Э. Левинас окончательно выводит концепт реминисценции из сферы психологии и теории познания в пространство фундаментальной онтологии и этики, где память есть форма ответа на требование Другого. Применительно к истории философии это открывает возможность рассматривать философские тексты не только как системы утверждений, но и как следы встречи мысли с радикально Иным — будь то немислимое, невыразимое, травматичное событие или этический вызов Другого, который оставляет свой отпечаток в самом строе аргументации, создавая в ней разрывы, умолчания, апории.

Ж. Деррида, развивая хайдеггеровские и левинасовские мотивы в рамках проекта деконструкции метафизики присутствия, доводит логику следа до ее предельных оснований, проблематизируя саму возможность различения оригинала и копии, присутствия и отсутствия в воспоминании. Для Ж. Деррида след есть то, что предшествует любому присутствию и делает его возможным, одновременно неотступно подрывая его полноту и самотождественность. Утверждая, что «след — это не присутствие, но скорее симулякр присутствия, которое дезорганизует его. Нет ничего, кроме следов»¹⁴, Ж. Деррида радикализирует понимание памяти. В таком случае реминисценция оказывается не восстановлением утраченного присутствия прошлого, но движением в поле следов, игрой различения, в котором «прошлое» никогда не дано как стабильная данность, но постоянно производится, переписывается и переосмысливается в акте настоящего означивания.

След несет в себе амбивалентную природу: он может быть травматичным, будучи следом раны или невосполнимой утраты, но он же может быть и благодатным даром, несущим откровение или внезапное прояснение смысла. В любом случае, его функция онтологична, так как он придает человеческому существованию метафизическую глубину, превращая линейное, однородное время в сложный, многослойный палимпсест, где прошлое никогда не умирает окончательно, но продолжает действовать, заявляя о себе в событиях-реминисценциях. Темпоральность субъекта, таким образом, раскрывается не как линия,

¹⁴ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 212.

но как сложная топология, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в режиме не хронологической последовательности, а постоянного взаимопроникновения и наложения, создавая многомерное темпоральное пространство. Через след прошлое проявляет себя не как нечто ушедшее и мертвое, а как живая, действенная сила, постоянно присутствующая в настоящем и влияющая на него, конституируя саму ткань нашего бытия-в-мире.

Выявленная онтологическая логика реминисценции позволяет предложить ее в качестве модели для методологической рефлексии о природе философской традиции. Здесь память не репродуцирует прошлое, но производит символические карты, где само прошлое обретает свои очертания лишь в акте припоминания. В таком понимании реминисценция есть событийное вторжение прошлого, структурирующее настоящее через три измерения ее символической карты: очертаний (границ и лакун), текстуры (материала и осязательности) и следов (импринтов иного).

Очертания — это не хронология эпох, а границы проблемных полей и зон умолчания. Например, очертания философии Нового времени определяются не только полемикой рационализма и эмпиризма, но и лакуной — систематическим вытеснением герметико-магической традиции (Бруно, Парацельс), которая, однако, как «забвение-резерв» проступит в романтизме и философии XX века.

Текстура отсылает к материальной, языковой конкретности мысли, несводимой к пересказу доктрин. Гладкий пересказ в учебнике по истории философии идей Ф. Ницше о «воле к власти» теряет текстуру его афористического, перформативного письма, его полемической иронии, которая и является носителем подлинного философского жеста, ускользающего от доксографии.

След интерпретируется как отпечаток встречи с Иным, то есть с тем, что сопротивляется концептуализации. Например, в текстах позднего М. Хайдеггера настойчивое возвращение к поэзии Ф. Гёльдерлина и этимологиям древнегреческих терминов можно читать не просто как культурные отсылки, а как след попытки помыслить утраченное отношение к бытию, а апории и умолчания в его аргументации маркируют место этого Иного, которое структурирует мысль изнутри, подобно левинасовскому следу Другого.

На этом пути истории философии реминисценция окончательно освобождается от пут психологизма и репрезентационизма, обретая статус ключевого онтологического события, конституирующего темпоральность, этическое отношение и саму возможность смысла. Современные попытки осмыслить память через метафоры «картографирования» и «ландшафта», с выделением таких взаимосвязанных измерений, как границы опыта и забвения, чувственная текстура и онтологический след (отпечаток Иного), предстают не как произвольные теоретические построения, а как закономерный синтез этой богатой историко-философской традиции. Они аккумулируют платоновскую связь с истиной и вечным, феноменологическую интенциональность, историческую диалектику и политику памяти, а также этическое измерение встречи с Иным, предлагая целостный и многомерный образ памяти как пространства человеческого бытия-в-мире, постоянно переписываемого в событиях реминисценции.

Выявленная логика развития концепта реминисценции позволяет сделать шаг вперед и рассмотреть его не только как объект историко-философского исследования, но и как модель для методологической рефлексии о природе самой истории философии. Если реминисценция есть нелинейное, событийное вторжение прошлого, структурирующее ландшафт настоящего через очертания, текстуры и следы, то и философская традиция может быть понята аналогичным образом.

В рамках данной модели философская традиция предстает как ландшафт, рельеф которого задается не последовательностью эпох, а границами ключевых проблем, узлами концептуальных противоречий, ареалами активной мыслительной работы и, что не менее важно, пространствами систематического забвения или умолчания. Лакуны, то, что было вытеснено, проигнорировано, сочтено нерелевантным, формируют смысловой рельеф традиции не меньше, чем канонические тексты. История философии как картографирование таких очертаний предполагает внимание к структурам забвения, к тому, как само поле мысли определяет, что может быть помыслено, а что — нет.

Здесь же возникает и особая «текстура» философского наследия. Эта текстура отсылает к материальной, стилистической, языковой конкретности философских произведений. Это не просто «идеи», но особый строй письма, ритм аргументации, используемые метафоры и образы, которые несут в себе «шероховатость» конкретной

исторической и личной ситуации. Чтение Платона, Кьеркегора или Ницше требует чувствительности к этой уникальной текстуре, которая не сводима к пересказу доктрин.

Самые глубокие пласты философского творчества могут быть интерпретированы как следы встречи с Иным: с тем, что сопротивляется концептуализации, с этическим требованием Другого, с травмой исторического события, с невысказанными пределами самого разума. Философский текст часто несет на себе след этого столкновения в форме апорий, пауз, риторических фигур, настойчивых возвращений к одной и той же неразрешимой проблеме. Историк философии, следующий за такими следами, занимается не просто доксографией, а герменевтикой умолчаний и разрывов.

Предложенная триада (очертание, текстура, след) предлагает альтернативную методологию, которая смещает акцент с линейной «истории идей» и поиска «влияний» на анализ философской традиции как сложного, многослойного ландшафта, где прошлое присутствует не как музейный экспонат, а как живая сила, постоянно актуализируемая в новых контекстах через события интеллектуальной реминисценции. Это позволяет учесть роль непрямых заимствований, неосознанных повторов, возрождения забытых традиций, то есть всех тех процессов, которые ускользают от моделей прямой рецепции, но являются сутью живого философского диалога во времени.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт реминисценции прошел сложную и содержательную эволюцию, отражающую основные повороты в развитии философской мысли, от античной метафизики до современной философии. Его генеалогия демонстрирует последовательное движение от понимания памяти как инструмента познания вечных сущностей к ее осмыслению как конститутивного элемента самого человеческого существования, определяющего нашу темпоральность, историчность, идентичность и этическую позицию в мире.

Представленная историко-философская реконструкция и методологическое расширение имеют значение не только как систематизация учений о памяти, но и как исследование, помещающее эволюцию конкретного концепта в широкий контекст истории идей. Предложенная методологическая проекция концепции реминисценции на поле истории философии отвечает общему движению в гуманитарных на-

уках последних десятилетий — отказ от «великих нарративов», интерес к маргиналиям, дискурсивным разрывам, материальности текста и сложным темпоральностям традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 164–208.
2. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / пер. с нем. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
3. Бруно Дж. О тенях идей / пер. с лат. Л.И. Титлина // Электронный философский журнал Vox [Электронный ресурс]. URL: https://intelros.ru/pdf/vox/2016_21/Vox21-BrunoG.pdf (дата обращения: 04.02.2026). Яз. рус.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
5. Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 528 с.
6. Левинас Э. Время и другой. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
7. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. 860 с.
8. Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М.: Канон-Плюс, 2021. 552 с.
9. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Тертуллиан К. С. Ф. О душе / пер., вступ. ст. и комм. А.Ю. Братухина. Научное издание билингва рус. и лат. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. 256 с.
11. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
12. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. А. Миролубова. СПб.: Александрия, 2009. 423 с.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2026,
одобрена после рецензирования 04.03.2026,
принята к публикации 24.04.2026.*

Article

UDC 111+1(4+7)[19/20]

For citation:

Romaschenko M. Reministsentsiya kak ontologicheskij landshaft: istoriko-filosofskaya genealogiya kontsepta [Reminiscence as an ontological landscape: the historical-philosophical genealogy of the concept] // Trudy Saratovskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 2 (33). pp. 105–121.
DOI: 10.56621/27825884_2026_33_105

Maria Romaschenko,

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History
and Philosophy,
Saratov State Technical University named
after Yu.A. Gagarin,
77, Politehnicheskaya str., Saratov, 410054, Russian
Federation
mariroma14@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4860-4017

Reminiscence As an Ontological Landscape: The Historical-Philosophical Genealogy of the Concept

M. ROMASCHENKO

Abstract: The article is devoted to the historical and philosophical analysis of the evolution of the concept of reminiscence from antiquity to the present day. The author traces the transformation in the understanding of reminiscence: from the Platonic anamnesis as an epistemological act of encountering eternal truths to its radical ontological rethinking. Special attention is paid to the Hermetic tradition (G. Bruno), where reminiscence for the first time becomes associated with creative imagination and the magical cognition of universal connections. Drawing on the teachings of P. Ricoeur, W. Benjamin, E. Levinas, and J. Derrida, the study demonstrates a shift towards understanding reminiscence as an event that constitutes temporality, ethical relations, and the very fabric of human existence. The paper shows how, through the phenomenology of performative memory, the philosophy of history with its «weak Messianic powers», the metaphysics of the trace of the Other, and the deconstruction of presence, a new understanding of memory is formed. Based on this analysis, the article proposes a methodological model of the «ontological landscape», which includes three dimensions: «contours» (boundaries of meaning and zones of oblivion), «texture» (the sensory, material givenness of experience), and «trace» (the imprint of the Other in the present). This model can serve as a tool for the non-linear analysis of the philosophical tradition, overcoming the limitations of the "archival"

paradigm and the linear history of ideas, allowing us to account for the role of intellectual reminiscences, ruptures, and the unspoken in the development of thought.

Keywords: reminiscence, memory, ontological landscape, anamnesis, history of philosophy, temporality, methodology of the history of philosophy, tradition.

REFERENCES

1. Beniamin V. (2005) "Berlinskaia khronika" [Berlin Chronicle]. In: Pavlov E. "Shok pamiat. Avtobiograficheskaia poetika Val'tera Beniamina i Osipa Mandel'shtama" [The Shock of Memory. The Autobiographical Poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelstam]. Moscow. pp. 164–208. (In Russian).
2. Beniamin V. (2012) "Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia" [The Doctrine of the Similar. Media-Aesthetic Works]. Moscow. (In Russian. Transl. from German).
3. Derrida J. (2000) "O grammatologii" [Of Grammatology]. Moscow. (In Russian. Transl. from French).
4. Eko U. (2009) "Poiski sovershennogo iazyka v Evropeiskoi kul'ture" [The Search for the Perfect Language in European Culture]. Saint Petersburg. (In Russian. Transl. from Italian).
5. Fuko M. (2004) "Arkheologiia znaniia" [The Archaeology of Knowledge]. Saint Petersburg. (In Russian. Transl. from French).
6. Ieits F. (2000) "Dzhordano Bruno i germeticheskaia traditsiia" [Giordano Bruno and the Hermetic Tradition]. Moscow. (In Russian).
7. Levinas E. (1998) "Vremia i drugoi" [Time and the Other]. Saint Petersburg. (In Russian).
8. Podoroga V. (2021) "Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX–XX vekov" [The Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the 19th — 20th Centuries]. Moscow. (In Russian).
9. Riker P. (2004) "Pamiat', istoriia, zabvenie" [Memory, History, Forgetting]. Moscow. (In Russian. Transl. from French).

*The article was submitted 10.02.2026,
approved after reviewing 04.03.2026,
accepted for publication 24.04.2026.*